

Философско-педагогические взгляды Н. М. Карамзина

Л. Е. Шапошников

Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина (Мининский университет),
Российская Федерация, 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1

Для цитирования: Шапошников Л. Е. Философско-педагогические взгляды Н. М. Карамзина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 2. С. 300–312. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.208>

В статье анализируется эволюция взглядов Н. М. Карамзина от умеренного западничества и либерализма к органическому консерватизму. Отмечается, что историограф создал свою философию истории, главной идеей которой было величие России, основанное на самодержавии. Осуждая либеральные реформы, проводившиеся в начале царствования Александра I, он в то же время предлагал «благоразумную» государственную систему, опирающуюся на национальные ценности и проявляющую осторожность «в новых государственных творениях». В работе также анализируются подходы Н. М. Карамзина к пониманию движущих сил исторического процесса. Отмечается, что особое значение в органическом развитии России он отводит самодержавию, именно монарху необходимо создать условия для повышения эффективности работы государственного аппарата. Его политика должна путем неотвратимости наказания заставить чиновников (от высших до низших) соблюдать законы. Существенная роль в обществе принадлежит церкви, и следует, по мнению Карамзина, придать ей «больше важности». Наличие единой самодержавия, а также хороших чиновников и священников — залог успеха России. Важное место отведено в настоящем исследовании рассмотрению педагогических взглядов мыслителя, его пониманию национально ориентированного образования, соотношению универсального и национального компонентов в образовании. Выступая против изоляционизма, историограф в то же время подчеркивал, что время ученичества для России закончилось и она должна жить опираясь на собственный разум. Для этих целей необходимо совершенствовать отечественную систему образования, обеспечивая преемственность ее ступеней, заботясь о подготовке педагогических кадров. На основании изложенного в статье делается вывод об актуальности идей Н. М. Карамзина для современного российского общества.

Ключевые слова: либерализм, консерватизм, образование, реформы, революция, Европа, Россия, самодержавие, православие.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) родился в Симбирской губернии в родовитой и богатой дворянской семье. Анализируя жизненный путь будущего историографа, В. В. Розанов справедливо заметил, что «настоящие любители России суть непременно свои специально губернские» [1, с. 227]. И действительно, детские годы, проведенные в Симбирской губернии, оказали существенное влияние на мировоззрение Карамзина: уже будучи в зрелом возрасте, он отмечал «благотворное влияние на сердце» и чистого воздуха полей и лесов, и самого вида сельской природы. Получив хорошее домашнее воспитание, Карамзин затем обучался в ряде

частных пансионов и даже посещал лекции в Московском университете. И хотя он не получил официального высшего образования, природная одаренность, способность к самообразованию сделали его одним из самых образованных людей России.

Большое значение в становлении взглядов мыслителя сыграло его путешествие по Европе, состоявшееся в 1789–1790 гг. В этот период он разделяет либерально-просветительские взгляды, а Европа — это место, где цветут искусства и науки, где «находится источник полезных изобретений». Только русские находились вне этого общего развития, и заслугой Петра I явилось то, что он разорвал «завесу, которая скрывала от нас успехи разума человеческого». При этом у реформатора не было альтернативы, так как история развивается линейно и народы идут друг за другом. Причем на этом пути одни достигают больших успехов, другие отстают, как это произошло с русскими, которые оказались позади Европы «по крайней мере шестью веками». В силу данного обстоятельства восточные славяне должны приобщиться к европейским ценностям, постольку «все народное ничто перед человеческим». Поэтому мыслитель считает: что «хорошо для людей, то не может быть дурно для Руских¹» [2, с. 141].

Естественно, подобные утверждения однозначно могут трактоваться как западнические установки. Однако в «Письмах русского путешественника» есть и положения, не вписывающиеся в эти границы. Так, Н. М. Карамзина возмущает пренебрежительное отношение так называемого образованного общества к его родному русскому языку; в этом, по его мнению, проявляется отсутствие «народного самолюбия». В анализируемом произведении содержится также очень примечательное рассуждение об отечественной истории: «больно» от того, что «у нас до сего времени нет хорошей Российской Истории, то есть писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием». Причем в ней следует «все черты, которые означают свойства народа Руского описать живо, разительно» [2, с. 139].

Необходимо отметить, что язык и историческая память являются важнейшими элементами национального самосознания. Следовательно, во взглядах Карамзина уже в начальный период творчества наблюдаются определенные антиномии, так как, с одной стороны, утверждается авторитет европейских начал, а с другой — присутствует идея о необходимости сохранения и развития самобытных российских ценностей.

Этот антиномизм стал еще более явным в период издательской деятельности будущего историографа. Журнал, который он издавал, получил название «Вестник Европы», тем самым как бы подтверждался европейский статус России.

М. Н. Катков считал, что никаких антиномичных установок в мировоззрении Н. М. Карамзина не было, ибо европейское и национальное в нем мирно уживались, и в силу этого мыслитель «был весь русский в своем европейском качестве... весь европеец в своем русском качестве» [3, с. 585–586]. Однако, на наш взгляд, подобной гармонии не существовало: если в начале творческой деятельности Н. М. Карамзина в его взглядах доминировали европейские начала, то в ходе их эволюции на первый план вышли национально ориентированные установки.

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация текстов Н. М. Карамзина сохранены. — Л. Ш.

Повышенное внимание к национальному компоненту в просвещении ярко проявилось в статье «О новых благородных училищах, заводимых в России», опубликованной в 1802 г. в «Вестнике Европы» (см.: [4, с.363–364]). Она начинается с традиционного для Карамзина тезиса о благотворном влиянии образования на развитие страны. Данное положение в полной мере понимает Александр I, отсюда его желание «способствовать просвещению в России и спасительным успехам воспитания». Однако увеличение числа учебных заведений, выделение финансовых средств на их содержание еще не решает в полной мере проблему развития отечественного образования. Все дело в том, что в богатых дворянских семьях «воспитание детей наших доверено иностранцам», но поскольку их содержание обходится «ежегодно около 1000 рублей», то для бедных дворянских семей они недоступны. Однако даже тогда, когда имеется иностранный педагог, его наличие не удовлетворяет «потребностей воспитания»: так, он «никогда не воспалит в ученике искр патриотизма». В связи с этим понятно, что только наличие «русских хороших учителей» позволит создать «основание частного и государственного благоденствия». Для решения этой задачи мыслитель предлагает создать «особенную педагогическую школу». Причем для ее эффективной работы следует платить «немецким профессорам, которых бы надлежало призвать в Россию для образования учителей», так как «педагогика нигде так не усовершенствована, как в Германии». Изучая передовую педагогическую мысль, русские преподаватели «должны взять меры», чтобы вскоре уметь обходиться без иностранных учителей.

Особое внимание к проблемам образования объясняется тем, что в этот период Н. М. Карамзин придерживался просветительского подхода к пониманию факторов общественного развития, среди которых особое значение отводилось разуму.

С его точки зрения, «блестящий век Екатерины» обусловлен тем, что за этот период Россия «возвысилась духом, преобразилась умом» и стало ясно, что «власть разума» может быть не только опорой политической власти, но и «ее орудием во всем, что касается до блага человечества» [2, с.209]. Желая «осчастливить народ», Екатерина II в то же время следовала «правилам осторожного благоразумия», приближая свое государство к «целям политического совершенства».

В связи с этим понятно, что ее политика была полной противоположностью установкам Великой французской революции, которая вместо исполнения «законов чистого разума» и «соединения теории с практикой» разрушила «век просвещения в своем основании». Сравнение этих двух подходов — революционного и эволюционного — приводит мыслителя к принципиальному выводу, оказавшему существенное влияние на его взгляды, а именно: «Самое добро в философическом смысле может быть вредно в политике, как скоро оно несоразмерно с гражданским состоянием народа» [2, с.212]. Однако Французская революция имела и позитивное значение, так как после нее стало ясным, что «все смелые теории ума... должны остаться в книгах», — в обществе начинает господствовать «рассудительность», которая стремится «способствовать успехам настоящего порядка вещей, не думая о новостях» [2, с.249]. Но успехи «настоящего» не предполагают застоя: особое значение приобретает «деятельный разум», который «во всех землях» и «во всех человеческих состояниях» требует «новых лучших идей». Последние должны не разрушать «гражданский порядок», а напротив, способствовать исправлению «несовершенства гражданского общества». Поэтому Н. М. Карамзин надеется, что

Александр I «дарует нам систему гражданских законов, определяющих взаимные отношения граждан между собою. Тогда законоведение будет наукою всех россиян и войдет в систему общего воспитания» [2, с. 252].

Следовательно, в начале царствования Александра I мыслитель находится на позициях умеренного реформаторства, не чуждого либеральных идей. Однако программа М. М. Сперанского, который и был главным действующим лицом правительствующего либерализма начала XIX в., вскоре вызовет у него резко негативную реакцию. Подобная позиция была обусловлена и эволюцией взглядов Карамзина в русло консерватизма, и личной неприязнью к «поповичу» Сперанскому — Карамзин, потомок знатного рода, был убежден, что родовитое дворянство унижается, когда видит «людей низкого происхождения на ступенях трона» [2, с. 345]. Поэтому своей запиской «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» (см.: [2, с. 279–348]), представленной императору Александру I в марте 1811 г., мыслитель последовательно критикует политику его советников (а главным среди них был М. М. Сперанский). Причем, как справедливо отмечал биограф Сперанского М. А. Корф, в этом документе иногда «острословие увлекало Карамзина за пределы истины», но дело было сделано. Эта записка «оставила в уме Государя» негативное впечатление о реформаторе и способствовала его удалению (см.: [5, с. 9]).

Пафос анализируемого документа состоит в поисках ответа на вопрос: почему при всей «любви и ревности» Александра I к «общему благу» Россия в то же время «наполнена недовольными»? Причем «и в палатах, и в хижинах» не имеют «ни доверенности, ни усердия к правлению, строго осуждают его цели и меры».

Ответ на этот вопрос предполагает обращение к российской истории, так как «настоящее бывает следствием прошедшего». Анализ «древней России» показывает, что она «гибла от разновластия и спасалась мудрым самодержавием». Другой важнейшей чертой нашей истории является срединное положение России между «Азиатскими и Европейскими царствами», в силу этого она «представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира». Этот тезис предвосхищает позднейшие построения евразийцев, однако если они делали акцент на азиатском элементе, то для Карамзина именно отношения с Западом стали доминантными для России. Особенно это стало заметным в «царствование Романовых», способствовавших «сближению Россиян с Европою как в Гражданских учреждениях, так и в правах». Если раньше наши предки «усердно следовали своим обычаям», то начиная с XVII в. европейские ценности «одерживали верх над старыми навыками» во многих сферах жизни. Однако эта трансформация на первых порах происходила «постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия. Мы заимствовали, но как бы нехотя, применяя все к нашему и новое соединяя со старым».

Ситуация радикально изменилась в период правления Петра I. Интересно отметить, что если в начальный период своего творчества мыслитель был апологетом его деятельности, то теперь в своей записке ко многим деяниям императора он относится критично. С одной стороны, целью петровских реформ было «новое величие России», но с другой — «совершенное присвоение обычаев Европейских». Причем это последнее стремление Петра «преступило в нем границы благоразумия». В связи с этим понятно игнорирование им истины, согласно которой «дух народный составляет нравственное могущество Государств». Следствием подобной по-

литики становится «унижение Россиян», а данное состояние формирует презрение к себе и не способствует пробуждению «сил народных». Поэтому, не отрицая величия Петра, Карамзин все же подчеркивает, что он мог бы «возвеличиться гораздо более, когда бы нашел способ просветить ум Россиян без вреда для их гражданских добродетелей». Недооценка народных традиций также проявилась и в отношении к православной церкви. Упразднив патриаршество, полностью подчинив церковь государству, Петр превратил «первосвятителей наших в угодников царей», и в результате этих действий «упало Духовенство в России»: оно потеряло уважение верующих, а вместе с этим «ослабла вера в народе».

Даже правление Екатерины II, которая, по мнению мыслителя, очистила «самодержавие от признаков тиранства» и «пересмотрела все внутренние части нашего здания Государственного и не оставила ни единой без исправления», содержало «некоторые пятна». Они касались прежде всего нравственного упадка, причем «и в палатах, и хижинах». Даже «самое достоинство Государя терпит (страдает. — Л. Ш.), когда он нарушает Устав благонравия». В правление Екатерины II в Государственных учреждениях было «более блеска, чем основательности», к тому же и «правосудие не цвело в сие время». Карамзин также делает вывод о том, что негативные стороны петровских преобразований в этот период «яснее открылись», так как многие дворяне забыли русский язык, а их дети воспитывались иностранцами в чуждом для России направлении. Поэтому они вместо трудов на благо отечества «рассыпались по чужим землям трагично тратить деньги». Сама императрица (особенно в конце своей жизни) часто «была обманываема, или себя обманывала, не видела или не хотела видеть многих злоупотреблений».

Итак, даже самые блестящие царствования «минувших лет», а именно времена Петра I и Екатерины II, не были свободны от ряда существенных недостатков. Правление Александра I началось в сложный период, так как его отец, Павел I, «заставил ненавидеть злоупотребления Самодержавия», ибо «он начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти». В связи с этим в обществе начинают формироваться два подхода по отношению к верховной власти. Сторонники первого предлагали Александру I «к вечной славе своей» принять меры «для обуздания неограниченного самовластия». Адепты второго подхода «сомневались в успехе такого предприятия» и настаивали лишь на восстановлении разрушенной Павлом I «системы Екатерины».

Карамзин анализирует оба этих подхода. С его точки зрения, нельзя принять такие законы, которые ограничивают «самовластие в России», без «ослабления спасительной Царской власти». И вывод историка категоричен: «Самодержавие есть Палладиум России: целость его необходима для ее счастья». Второй путь также неприемлем, ибо нельзя «вернуть историю вспять», монарху необходимо провести ревизию настоящего, «стараясь всего более» утвердить существующие «государственные творения».

Десятилетнее правление Александра I показало, что его советники оставили «без внимания правила мудрых», суть которых заключается в том, что «всякая новость в государственном порядке есть зло» и к реформам надо «прибегать только в необходимости». Мы уже отмечали негативное отношение мыслителя к М. М. Сперанскому, и он постоянно подчеркивает, что «новые законодатели России славятся наукою письмоводства более, нежели наукою государственной». Основная ошибка

«сего царствования», по мнению Карамзина, состоит в том, что происходит «изменение форм Государственной деятельности», поэтому изобретаются министерства, учреждается совет и т. п. Он предлагает императору следовать «иному правилу» и понять, что «не формы, а люди важнее». И Петр I, и Екатерина II умели оценить достоинства и способности человека. И Александру надо учиться этому и «правильно искать людей». Причем объясняя, как монарх должен выбирать людей на руководящие должности, Карамзин впадает в противоречие: с одной стороны, он считает, что для приобретения высших чинов «необходимо требовать благородства», ибо родовитое дворянство обладает преимуществами, редко заменяемыми «естественными дарами простолюдина»; с другой — историк подчеркивает необходимость оценивать чиновников по их талантам, и поэтому кандидаты на руководящие посты «должны быть назначены единственно по способностям».

Кроме поиска талантливых людей, существует и другое правило в организации успешного управления, которое реализуется в умении правителя «обходиться с подчиненными». Он должен находить способы «усиливать в чиновниках побуждение добра или обуздывать стремление ко злу». Важнейшим средством реализации данной установки, как считает Карамзин, является страх, ибо он «гораздо действительнее, гораздо обыкновеннее всех иных побуждений для смертного». Отсутствии неотвратимости наказания за преступления, совершаемые представителями власти, есть «одно из важнейших Государственных зол нашего времени». У многих губернаторов, высших должностных лиц стремление к наживе делается главной целью. Но Карамзин справедливо формулирует две аксиомы: во-первых, за деньги «не делается ничего великого» и, во-вторых, материальное изобилие «располагает человека к праздной неге», противной всякой творческой работе. В силу этого необходимо подбирать и министров, и высших сановников, и — главное — губернаторов из людей умных, добросовестных, способных «обуздать хищное корыстолюбие низших чиновников». Причем всегда надо помнить, что Россия — это не только Петербург и Москва, но прежде всего она состоит из 50 губерний, и только тогда, когда их руководители «станут блюсти вверенное каждому из них благо полумиллиона Россиян», верховная власть может «отдыхать на лаврах».

Необходимо также принять меры к повышению статуса духовенства. Хотя Карамзин и не предлагает восстановить патриаршество, но он в то же время подчеркивает необходимость реформирования Синода, чтобы он имел «больше важности». Духовенство должно постоянно заботиться о «нравственности прихожан», употребляя для этого «данные им от Синода благоразумные, действительные средства». Следует помнить, что по характеру духовенства можно «всегда судить о нравственном состоянии народа». Эти рассуждения Карамзин заключает следующим выводом: «...не довольно дать России хороших губернаторов; надобно дать и хороших Священников; без прочего обойдемся и не будем никому завидовать в Европе».

Наконец, главный урок, который должен усвоить Александр I из обзора отечественного прошлого. Историсофия справедливо утверждает, что «Державы, подобно людям, имеют определенный век свой» и обоснованная умеренность в жизни индивидуальной продляет жизнь человека, а «благоразумная система государственная продолжает век Государств». Однако в современной России, по мнению Карамзина, «благоразумия часто не хватает», так как у правительства существует

«излишняя любовь к государственным преобразованиям», и поскольку они происходят поспешно, без серьезной подготовки, то «потрясают основу Империи». Подобная увлеченность реформаторством — «одна из главных причин недовольствия Россиян». Важной особенностью русского характера является приверженность традициям, и в силу этого «зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее нового, а новому добру как-то не верится». Следовательно, монарх должен понять, что ему «требуется более мудрости хранительной, нежели творческой». Поэтому царствование Александра I станет успешным и плодотворным, если он «будет осторожен в новых Государственных творениях» и будет думать «более о людях, нежели о формах», если заставит вельмож и чиновников «ревностно исполнять свои должности».

Наконец, монарху следует проводить взвешенную внешнюю политику. В этом случае вместо ослабления современной Российской монархии будут утверждены ее «незыблемые основания», а именно «Дворянство и Духовенство, Сенат и Синод, как хранилище законов, над всеми Государь, единственный законодатель, единовластный источник властей». Интересно отметить, что, с точки зрения Карамзина, ни крестьянство, ни купечество к базисным основам государства не относятся. Поэтому славянофилы справедливо упрекали мыслителя за то, что он в своей истории оценивает народ как «пассивный человеческий материал».

Рассмотрение записки Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» показывает, что в ней изложены консервативные идеи, она последовательно критикует «государственный либерализм» начала XIX в. Однако в рамках консерватизма могут существовать различные течения, и прежде всего можно выделить охранительное и органическое его понимание. В первом случае традиция рассматривается как раз и навсегда законченное учение, или неизменные положения, которые не нужно развивать, а необходимо лишь охранять, спасая их «от натиска времени». Другое отношение к традиции наблюдается у сторонников органического консерватизма: они понимают ее не как мумифицированную, а как живую, развивающуюся, отвечающую на вызовы времени.

Сам историограф призывал руководствоваться «мудростью охранительной», но все-таки, на наш взгляд, он ближе к позиции органического, чем охранительного, консерватизма. По его мнению, ни аристократы, ни демократы, ни либералы не могут «похвалиться искренностью». Аристократы хотят сохранения старого порядка, ибо «он для них выгоден», а демократы и либералы выступают за «новый беспорядок», так как «надеются им воспользоваться для своих личных выгод». В связи с этим, обращаясь к Александру I, мыслитель призывает его не поддерживать крайних позиций, так как «истина и добро в середине». Вот эта центристская платформа и отражает позицию органического консерватизма, признающего развитие общества, но при обязательном сохранении базисных ценностей.

В отечественной литературе XIX в. была развернута дискуссия о том, содержит ли труд Карамзина философию истории. Так, известный историк, публицист и издатель Н. А. Полевой утверждал, что для изучения прошлого «важнее других взгляд философический», но историограф им не обладал. В силу этого, по мнению Полевого, «истинная идея истории была недоступна Карамзину» [6, с. 139]. С этой точкой зрения солидаризируется и известный профессор Московского университета М. П. Погодин, который также утверждал, что «ни на один философский вопрос не

ответят мне из его «Истории» [6, с. 184]. Мы думаем, подобные тезисы не являются обоснованными, так как историограф последовательно в своем повествовании реализует идею о необходимости для России быть мощным государством (со своими самобытными чертами), которое играет ведущую роль в Европе. Главным условием достижения этой цели является самодержавие, т. е. жесткая централизованная власть, опирающаяся не только на силу, но и на традиции, прежде всего на православную веру. В. В. Розанов был прав, утверждая, что когда «история Карамзина надоела», то это означало гибель традиционной России — и «вот суть революции» [7, с. 507].

Мы уже упоминали о том, что педагогические взгляды Н. М. Карамзина занимают в его наследии видное место, хотя у него нет больших специальных работ, посвященных этой проблематике. Установки эпохи Просвещения, как мы уже отмечали, оказали существенное влияние на формирование мировоззрения мыслителя, и он соглашается с теми философами, которые считают, что люди «сотворены для знаний, для науки». Он утверждает, что «науки были прежде университетов, академий, профессоров, магистров, бакалавров. Где натура, где человек, там учительница, там ученик — там наука» [2, с. 55].

Молодой Карамзин считал просвещение не только «врожденным свойством человека», но и главной силой обновления общества: оно есть «палладиум благонравия». Следовательно, если законодатель, т. е. правитель, является другом человечества и заботится об общественном благе, то тогда «будет же первым законом... просвещение». Причем чем более «свет учения» проникает «в самые темнейшие пещеры невежества», тем ближе «золотой век», при котором «исчезнут все нравственные гарпии, доселе осквернявшие человечество» [2, с. 68].

Однако в XVIII в., когда человечество дошло «до крайней степени возможного просвещения», вместо его возвышения грянула разрушительная революция и люди оказались «на развалинах надежд и замыслов». В этих рассуждениях мыслителя содержатся определенные противоречия, так как, с одной стороны, просвещение «изгоняет общественные пороки», с другой — на вершине его развития человечество снова «погружается в варварство». Осознавая это противоречие, Карамзин утверждал, что наука и истинное просвещение к кризисным явлениям в обществе не имеют отношения, они всегда «благотворны и ведут к добродетели». Негативные последствия вызывает «распространение ложных идей», именно они «пагубны для нашего спокойствия». Сами «ложные идеи» являются следствием невежества, которое может принимать вид науки, но в ходе истории «все ложное гибнет... одна истина не страшится времени». В силу этой закономерности, по его мнению, разум должен «обратиться на устроение мирного блага жизни». У России существует благоприятная возможность принять активное участие в развитии «нового просвещения».

Для достижения этой цели у русских должно быть сформировано чувство собственного достоинства. Отсюда не следует, что русские должны думать, что «всех и во всем лучше», но им необходимо «по крайней мере знать цену свою». Излишнее смирение «в мыслях о народном своем достоинстве вредно», ибо «кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут» [2, с. 233]. Это неуважение часто формируется в силу того, что в сфере образования и науки у россиян пока мало собственных достижений. Иностранцы — «завистники русских» — пы-

таются «всех убедить», что у нас имеется «только в высшей степени переимчивость». В этой связи, по их мнению, в России якобы не может быть развитой науки и передовой системы образования. Карамзин не соглашается с подобной позицией, хотя и признает, что «в науках мы стоим еще позади других». Однако русские обладают громадными потенциальными возможностями, и вскоре они будут «равняться с иностранцами». Сама «способность к переимчивости» не есть ли «знак превосходного образования души»? Она свидетельствует о способности русского народа к обучению, к творческому освоению новых идей. По мере развития образования и накопления знаний все более ясным становится убеждение, что «мы никогда не будем умны чужим умом». Поэтому период «подражания» заканчивается, и русские все больше «со временем должны быть сами собою». Период ученичества необходим, но «горе и человеку, и народу, который будет всегдашним учеником» [2, с. 237].

Для избавления от «иностранного засилья» в сфере образования должно быть также радикально изменено отношение к семейному воспитанию у представителей «высшего сословия». Они сейчас увлечены «ничтожными светскими забавами», а приобщение к подлинному знанию у них часто заменяется «поверхностным полупросвещением»; к тому же многие богатые дворяне, не понимая значения истинных ценностей, предаются «безрассудной роскоши», являющейся следствием «рассеянной жизни». Необходимо, чтобы не «иностранцы учителя», а сами родители «занимались детьми», а для этого им следует «поселиться дома». Отец тогда будет своим детям наставником и в этом качестве сможет получать «истинное удовольствие», ибо ничто не может «сравняться с нежными чувствами супруга и родителя», который, «дав жизнь детям, дает им мысли и чувства» [2, с. 253]. В реализации этой установки, по мнению Н. М. Карамзина, и заключается «совершенное просвещение», которое «выбирает лучшее», а к нему, безусловно, принадлежат «семейные удовольствия». Наконец, воспитание детей — это не только личное дело их родителей, оно есть и «долг гражданина, обязанного в семействе своем образовывать достойных сынов отечества» [2, с. 253]. Сочетание семейных и гражданских добродетелей позволит родителям воспитать «нравственного человека и патриота», и это воспитание не могут заменить «все школы, институты и пансионы». Николай Михайлович был уверен, что, несмотря на существенные недостатки семейного воспитания, все-таки «дети у нас воспитываются лучше отцов своих» [2, с. 252].

Итак, в начале XIX в. российские власти убеждаются в необходимости народного просвещения «как для частного, так и Государственного блага». Н. М. Карамзин с восторгом «читал указ о заведении Школ деревенских» (имеется в виду постановление Александра I «Предварительные правила народного просвещения» от 24 января 1803 г.). В этом документе были обозначены основные звенья системы образования. Создавалось шесть учебных округов во главе с университетами, все образовательные учреждения делились на четыре разряда: приходские, уездные, губернские и университеты. Приходские школы располагались в основном в сельской местности, и если приход находился на помещичьей земле, то ее хозяин должен был заботиться и о школе. Историограф с гордостью отмечает, что «завел у себя школу для крестьянских детей», в которой стал «учить их не только грамоте, но и правилам сельской морали». Он даже «на досуге сочинил» наставления для учащихся, объясняющие, какие «должности поселянина необходимы для его ща-

ствия». В организации приходской школы Карамзину большую поддержку оказал «умный новый священник деревни нашей», хотя он был не только помощником и советником, но и иногда «критиком» (см.: [2, с. 271]).

Однако, несмотря на определенные успехи России в развитии просвещения, в этой сфере, как подчеркивает мыслитель, существует много нерешенных проблем. Н. М. Карамзин отмечает, что не удалось преодолеть заимствования в образовательной области и в образе жизни у Запада. Конечно, следует приобщаться к знаниям, необходимым для «благоденствия: художества, искусства, науки», но надо помнить, что «государства могут стоять на одной степени гражданского просвещения», имея при этом разные традиции и нравы. Изменения в духовной сфере, если они носят органический характер, происходят не насильственно, а эволюционно, так как «для утверждения новых обычаев требуется долговременность» [2, с. 292].

При стремлении к сохранению «гражданских добродетелей», главной из которых является патриотизм, государство, «заимствуя у другого полезные сведения», не должно нарушать коренные национальные начала и обычаи, определяющие «гражданское достоинство» его жителей.

Правительство расходует большие средства «для основания университетов, гимназий, школ», но эффективность этих вложений, по мнению Карамзина, незначительна, он видит в них «более убытка для казны, нежели выгоды для Отечества» [2, с. 316]. Все дело в том, что, пригласив иностранных профессоров, правительство «не приготовило учеников». Иностранцы читали лекции на латинском языке, но студенты их не понимали, так как «худо знали» этот язык. Для решения проблемы, по мнению историографа, нужно не жалеть денег «для умножения числа казенных питомцев в Гимназиях». Обучение за счет государства детей «скудных родителей» через 10–15 лет породило бы «в России ученое состояние». Особенностью российской духовной жизни являлось также отсутствие «охотников для высших наук». С целью стимулировать дворянство к получению высшего образования по инициативе М. М. Сперанского был принят в 1809 г. указ «Об экзаменах на чин», связывающий возможность получения звания коллежского асессора, т. е. чиновника 8-го ранга, с «обучением или испытанием в университетах». Н. М. Карамзин называл этот документ «несчастный Указ», стремясь доказать абсурдность его положений, ибо он якобы требовал от надзирателя в сумасшедшем доме знать «Римское право», а от сенатского секретаря — «свойство кислорода и всех газов». В действительности же программа экзаменов на чин сводилась к проверке уровня общеобразовательных знаний. И нельзя согласиться с историографом в том, что «никогда любовь к наукам не производила действия, столь несогласованного с их целью» [2, с. 317]. Конечно, в реализации этого указа было много формализма, а экзамены недостаточно учитывали профиль деятельности чиновника, но все же постепенно статус высшего образования в России повышался, в том числе и в силу этого документа.

Н. М. Карамзин особое внимание в образовательном процессе отводит преподаванию русского языка и отечественной истории. Увлеченность представителей «высшего сословия» французским языком приводит к тому, что даже в Москве «с величайшим трудом можно найти учителя для языка Русского». А если взять Россию в целом, то «едва ли найдешь человек 100, которые совершенно знают правописание». Ситуация усугубляется еще и тем, что до сегодняшнего дня «мы не имеем

хорошей Грамматики» [2, с. 317]. Отношение к родному языку имеет важнейшее значение для формирования национального самосознания. Русские должны понимать, что «беда не велика», если они «не только дурно произносят, но и дурно пишут по-французски», но когда россияне «извиняются худым знанием русского языка: это извинение хуже самой вины». Россия вступила в такой период своего развития, когда необходимо «трудиться над обработыванием собственного языка», а для этого его следует изучать и квалифицированно преподавать, и всегда следует помнить, что «язык важен для патриота» [2, с. 236].

Изучение отечественной истории также является необходимым условием правильного отношения к отечественным традициям, к русской самобытности. Историограф признает, что представители высшей власти, «чувствуя важность» данной темы, проявляли интерес к отечественной истории, — в частности, Екатерина II сама «занималась Российскими летописями, изучала их». Но и «простой гражданин должен читать Историю», так как она вырабатывает «правила государственной нравственности», которая содержит «уважение к предкам». Причем освещать прошлое необходимо в доступной форме, и это освещение должно соответствовать истине, то есть наряду с успехами нужно не бояться отмечать и неудачи. Следует помнить, что «история не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно, она изображает действительный мир» [8, с. 16]. Имеющиеся исторические обзоры и труды не отвечали этим требованиям: они в лучшем случае содержали факты, но в них не было «действий и характеров». Причем история — это не только «свидетельство о прошлых веках»: она, конечно, «память прошедшего», но в то же время — «завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» [8, с. 13]. В силу этого именно историческая память не только формирует уважение к предкам, но и вырабатывает у современников «достоинство гражданина образованного».

Н. М. Карамзин «с охотою и ревностью» взялся за «сочинение истории, с надеждой быть полезным, т. е. сделать Российскую историю известнее для многих» [8, с. 21]. Это тем более было необходимо, так как, по меткому утверждению В. В. Розанова, в трудах по отечественной истории до Карамзина «все было такое отчаяние, скука, поистине “презренный вид”» [7, с. 418]. И вот у него история засверкала всем «богатством красок» и своим неповторимым своеобразием. Мы уже отмечали критику славянофилов в адрес Н. М. Карамзина, который, с их точки зрения, недооценивал значение «народного начала». Но даже член их кружка К. С. Аксаков подчеркивал, что историографу удалось преодолеть «страшную отвлеченность» от реального исторического процесса, существующую в отечественной литературе, забывшей «свой народ». Он в «своем великом произведении» и в ряде других сочинений «начал сознавать значение народа и его самобытность» [9, с. 123].

«История государства Российского», созданная Карамзиным, на долгие годы становится фактологической и методологической основой преподавания истории в различных типах учебных заведений, становясь своеобразным «памятником и маяком» в отечественном прошлом.

Наконец, еще одна проблема, которая волновала историографа при оценке действующей системы образования. Согласно университетскому Уставу 1804 г., на профессорско-преподавательскую корпорацию возлагалась административно-хозяйственная ответственность за образовательные учреждения, входящие в учеб-

ный округ. Поэтому «лучшие профессора» занимались «подрядами свеч и дров», отсюда сколько «трудов потерянных», а ведь их «время должно быть посвящено науке» [2, с. 317]. Интересно отметить, что эту же позицию разделял и М. М. Сперанский, и во многом благодаря его усилиям в университетском Уставе 1835 г. были значительно сокращены «заботы университетов об училищах».

Недостатки в организации и функционировании отечественной системы образования по большей части и объясняются, по Карамзину, тем, что «министерство так называемого Просвещения в России донныне дремало». Оно не создало продуманной подготовки учителей и эффективной оценки их труда. Это учреждение «пробуждалось, от времени до времени, единственно для того, чтобы требовать денег, чинов и крестов от Государя» [2, с. 318]. Н. М. Карамзин вспоминает, что предметом его бесед с Александром I, наряду с политическими проблемами, были также и вопросы образования и связанные с этим необходимые улучшения в деятельности «Министерства Просвещения или затмения». Хотя император с вниманием слушал историографа, но последний признавал, что его советам монарх «большею частию и не следовал» [2, с. 368].

Однако, несмотря на все трудности, просвещение в России развивалось, и деятельность Карамзина, безусловно, способствовала этому процессу. Причем он осознавал, что образование нельзя сводить только к получению новых знаний, оно должно реализовываться «в деятельности полезной». В связи с этим историограф замечает: мыслить можно в любой стране, а «дело делать единственно в России, или нет гражданина, нет человека» [2, с. 371].

Таким образом, можно говорить о безусловной актуальности философских и, особенно, педагогических взглядов Н. М. Карамзина в настоящее время. Внимание мыслителя к гуманитарным предметам, являющимся стержнем патриотического воспитания, высокая требовательность к государственной политике в сфере просвещения, стремление поднять отечественное образование на мировой уровень и сделать его практико-ориентированным сегодня, как никогда, заслуживают пристального внимания.

Литература

1. Розанов, В. В. (2008), *Собр. соч.*, в 30 т., т. 23., М.; СПб.: Республика, Ростов.
2. Карамзин, Н. М. (2010), *Избранные труды*, М.: РОССПЭН.
3. Катков, М. Н. (2010), *Собр. соч.*, в 6 т., т. 1, СПб.: Ростов.
4. Карамзин, Н. М. (1802), О новых благородных училищах, заводимых в России, *Вестник Европы*, № 8, с. 358–366.
5. Корф, М. А. (1861), *Жизнь графа М. М. Сперанского*, т. 2., СПб.: Издание императорской публичной библиотеки.
6. *Карамзин: pro et contra* (2006), СПб.: Изд-во РХГА.
7. Розанов В. В. (2008), *Собр. соч.*, в 30 т., т. 24., М.; СПб.: Республика, Ростов.
8. Карамзин, Н. М. (1989), *История государства Российского*, в 12 т., т. 1., М.: Наука.
9. Аксаков, К. С. (1995), *Эстетика и литературная критика*, М.: Искусство.

Статья поступила в редакцию 21 июля 2019 г.;
рекомендована в печать 19 марта 2020 г.

Контактная информация:

Шапошников Лев Евгеньевич — д-р филос. наук, проф.; rectornnspu@rambler.ru

Philosophical and pedagogic views of N. M. Karamzin

L. E. Shaposhnikov

Kozma Minin Nizhniy Novgorod State Pedagogical University,
1, Ulyanova ul., Nizhniy Novgorod, 603005, Russian Federation

For citation: Shaposhnikov L. E. Philosophical and pedagogic views of N. M. Karamzin. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, issue 2, pp. 300–312. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.208> (In Russian)

The paper analyses the evolution of N. M. Karamzin's ideas from the position of moderate westernism and liberalism to organic conservatism. Special attention is given to Karamzin's understanding of the philosophy of history, where the main emphasis was made on the splendor of monarchical Russia. N. M. Karamzin was critical about the early liberal reforms of Alexander I and proposed the introduction of a "sound" state system, based on national values and exercising caution to the new developments. The paper also analyses Karamzin's conceptualization of the dynamics of the historical process. It is noted that he assigns special importance to autocracy in the harmonious development of Russia, it is precisely the monarch who needs to create conditions for increasing the efficiency of the state apparatus. The monarch's policy must, by the inevitability of punishment, compel officials (of high and lower ranks) to comply with the laws. A significant role in society should also belong to the Church, which, according to N. Karamzin, needs to be given more attention. Overall, the scholar sees the secret to the prosperity of Russia in the synergy of strong state leadership, government apparatus, and priests. The pedagogical views of Karamzin are another focus of the present work, as well as his understanding of national education and the interplay of the universal and nationally specific features in it. Opposing isolationism, the scholar, nevertheless, advanced the idea that Russia needs to have its own way in development by means of improving the educational system, introducing the continuity of its stages, and enhancing the quality of preparing teachers. The paper arrives at a conclusion about the relevance of N. Karamzin's ideas for modern Russian society.

Keywords: liberalism, conservatism, education, reforms, revolution, Europe, Russia, monarchy, Orthodox Christianity.

References

1. Rosanov, V. V. (2008), *Collected works*, in 30 vols., vol. 23, Moscow and St. Petersburg: Respublika Publ., Rostok Publ. (In Russian)
2. Karamzin, N. M. (2010), *Selected works*, Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian)
3. Katkov, M. N. (2010), *Collected works*, in 6 vols., vol. 1, St. Petersburg: Rostok Publ. (In Russian)
4. Karamzin, N. M. (1802), On the new noble schools being established in Russia, *Vestnik Evropy*, no. 8, pp. 358–366.
5. Korf, M. A. (1861), *Life of count M. M. Speransky*, vol. 2, St. Petersburg: Izdanie Imperatorskoi publichnoi biblioteki Publ. (In Russian)
6. *Karamzin: pro et contra* (2006), St. Petersburg: RHGA Publ. (In Russian)
7. Rosanov, V. V. (2008), *Collected works*, in 30 vols., vol. 24, Moscow and St. Petersburg: Respublika Publ., Rostok Publ. (In Russian)
8. Karamzin, N. M. (1989), *History of the Russian state*, in 12 vols., vol. 1, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
9. Aksakov, K. S. (1995), *Aesthetics and literary criticism*, Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian)

Received: July 21, 2019
Accepted: March 19, 2020

Author's information:

Lev E. Shaposhnikov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; rectornnspu@rambler.ru